Текст · 27 сентября 2023, 10:34
Анна Павлова, Дмитрий Швец,

«Люди в тапках уходят из своих домов». Армянские волонтеры и активисты рассказывают, что сейчас происходит с беженцами из Нагорного Карабаха

На прошлой неделе армия Азербайджана начала обстреливать Нагорный Карабах, назвав это «антитеррористическими мероприятиями локального характера». Военное министерство страны потребовало полного вывода сил обороны непризнанной республики и роспуска «режима» в Степанакерте. После девяти месяцев блокады и двухдневных бомбежек жители Карабаха начали покидать регион — по данным властей Армении, в стране уже 42 тысячи вынужденных переселенцев. По просьбе «Медиазоны» волонтеры и активисты рассказали, что происходит в приграничном армянском городе Горис, куда прибывают люди, вынужденные оставить свои дома.

«Жизнь больше ста тысяч людей — разменная монета». Наре, уроженка Степанакерта

Я родом из Арцаха[1], у меня там оставались родственники. Сестра с семьей, мама, папа. Сестра с детьми выехала, только сегодня они добрались до нас.

Она рассказывала, что во время обстрелов они прятались в подвалах с детьми, им восемь и пять

лет. Выстрелы были очень близко, и она боялась, что военные войдут в подвалы и начнут убивать их и детей.

Были погибшие[2] среди знакомых и соседей,

они знают, что погибли дети восьми, десяти и одиннадцати лет, есть погибшие и женщины, и гражданские мужчины. Это геноцид и этнические чистки. Во время этой войны погибли больше 300 человек, в том числе мирные. Еще столько же пропали без вести, понятно, что большинство из них тоже погибли, просто еще не нашли тела.

После очень долгой блокады там и так не было еды, не было лекарств. У многих и так было плохо со здоровьем, и сейчас я вижу это по детям, они бледные, с темными кругами под глазами, похудевшие. Знаете, карабахцы не любят говорить о своих бедах. Я знала, что у них нет сладкого, нет витаминов, фруктов, лекарств. Но когда я говорила с сестрой, она всегда отвечала, что это нормально, они это тоже переживут, если у них будет возможность мирно жить на своей земле, в своих домах.

Но что получается? Они все это вынесли, девять месяцев блокады, а теперь снова гибнут люди, и в первый раз за всю историю Карабах может фактически остаться без этнических жителей. И теперь это такая трагедия, трагедия тысячелетия для армян и особенно для армян Карабаха.

У них не осталось другого выхода, как выйти оттуда, потому что они фактически остались без какой-либо защиты. Это очень большая обида. По поводу врага и так понятно, даже нечего сказать тут. Есть обида

и на правительство Армении, которое фактически ничего не сделало, чтобы защитить своих граждан (все армяне, живущие в Нагорном Карабахе, являются и гражданами Армении). То есть фактически не было сделано ничего, чтобы военным способом решить конфликт или помочь народу. Даже в международной сфере не было заметных усилий что-нибудь сделать. У людей такое впечатление, что весь мир уже все решил за них и каждая страна защищает только свои цели. А жизнь больше ста тысяч людей — разменная монета.

Эвакуация тоже плохо организована. Был случай, что ребенок погиб в дороге от голода во время эвакуации, был случай, что младенец родился прямо в дороге. На трассах просто невыносимо, люди днями сидят в машинах. Сейчас другие мои родственники тоже пытаются выехать, очень мало кто готов остаться, потому что нет никаких гарантий безопасности.

«Потоки людей бесконечны». Соучредитель благотворительного фонда «Вива» Виктор Михайлов

Наш благотворительный медицинский фонд с первого дня работает в городе Горис[3], где находится первый пункт приема беженцев. Это очень сложная история, поскольку тут потоки людей бесконечны. Любое государство с таким потоком с большим трудом бы справилось.

Это этническая чистка чистой воды, это просто повторение 1915 года[4], то есть очередной акт геноцида. Потому что люди в тапках уходят из своих

домов, обездоленные, ничего с собой не имея. Они просто насильственно выселены из своих домов. Если вы спросите: «Почему вы не остались?», это будет оскорблением для любого арцахца. Потому что они ответят: «Нас убивают. Я не могу остаться». Мирное население было в зоне поражения. Практически любая деревня, любой город в Нагорном Карабахе под прицелом огня противника, как оказалось, мишенью были просто люди. Цель Азербайджана была их оттуда выжить. И все оттуда бегут.

Почему еще все 120 тысяч арцахцев сейчас не здесь? Потому что поток выходит тяжело. На дороге — это не от них зависит, но все же — колоссальные пробки. К тому же бензина нет в нужном количестве в Арцахе. Но намерение выйти есть у всех.

Люди истощены. Из-за блокады они были истощены, а сейчас в таком состоянии в дороге. Поэтому у нас круглосуточно дежурят врачи нашего фонда, которые являются волонтерами, и они посменно оказывают помощь, грубо говоря, в полевых условиях. Когда это невозможно, мы вызываем скорую и отправляем людей в ближайшие больницы. Люди прямо в состоянии очень-очень плачевном.

Некоторые выезжают на своих машинах, но для этого надо найти бензин. Они доезжают до армянской стороны и получают талончики. То есть там им помогают, бесплатный бензин дают. А вот начиная со Степанакерта это большая проблема. Или же люди выезжают на автобусах, которые предоставляет арцахское правительство, в этой части, которая осталась под армянским влиянием.

Мужчины тоже выезжают, но у азербайджанских военных есть какие-то списки, по которым они считают каких-то людей причастными к действиям, связанным с защитой Нагорного Карабаха. Там же была армия обороны Арцаха, и, видимо, у них списки есть мужчин, которые в этом участвовали. В принципе, в Карабахе очень много мужчин участвовало, потому что это была, грубо говоря, часть армянского народа, которая в основном и защищалась от Азербайджана.

Мы не знаем, кого они не выпустили, но там идут мирные люди, а их, в общем, на границе проверяют, сегрегируют вооруженные азербайджанские военные, типа, ты проходишь, а ты нет уже.

Мы особо беженцев, вернее, вынужденных переселенцев ни о чем не спрашиваем. Потому что все в стрессе в глубочайшем, в панике. Естественно, они не знают, что с ними будет, как будет. Среди них есть люди, которые четвертую историю такую в своей жизни пережили. Мы тактично с ними разговариваем только о состоянии здоровья, о потребностях, о нуждах. Но кто-то эмоционально такие вещи рассказывает.

С ранеными мы не работаем, у нас все-таки полевая история гуманитарная, мы медицинскую помощь бездумно не оказываем. По разрешению азербайджанской стороны каких-то раненых вывозят на скорых, каких-то не могут вывезти, все решает азербайджанская сторона.

Наш фонд функционирует с 2016 года, и мы уже накопили большой опыт работы в кризисные периоды. Мы создавались, когда была четырехдневная война[5], потом в 2020 году мы пережили 44 дня[6], когда круглосуточно наш фонд обеспечивал больницы специалистами — и хирургами, и травматологами. Что касается сегодняшней ситуации, когда беженцы приходят, их встречает миграционная служба, они их регистрируют.

Красный Крест отвечает за питание, предоставляется вода, горячие напитки. Потом они подходят к нам, мы предоставляем аптечки: препараты от аллергии, от гипертонии, для сердца и так далее. И по ходу процесса мы поняли, что людям еще необходимы памперсы, прокладки, гигиенические какие-то наборы. Мы стали это предоставлять оперативно, поняв, что потребность в этом колоссальная. И вот теперь наш сектор выдает еще и детское питание. То есть после регистрации и кормления взрослых они подходят к нам за этой помощью.

Дальше переселенцев уже распределяет государство, социальная служба по каким-то временным жилым помещениям по всем регионам Армении. К ним очень теплое отношение оказывается со стороны всех, чтобы они чувствовали максимально себя дома.

Беженцы из Нагорного Карабаха в приграничном селе Корнидзор, Армения, 26 сентября 2023 года. Фото: Irakli Gedenidze / Reuters

«Плана, как разбираться с беженцами, нет». Волонтерка фонда «Этос» Диана Арушанян

Мы выехали ночью 24-го числа колонной из семи-девяти машин из Еревана в Горис. Изначально мы вообще ехали в село Тэх — там живут беженцы, которые переехали еще в прошлом августе. Мы им уже два месяца помогаем, но, поскольку все это случилось, стали срочно собирать гуманитарку и для людей, которые приезжают сейчас.

В Горис мы приехали в четыре утра, сразу встретились с представителями Красного Креста. Там ситуация такая, что Красный Крест не принимал от нас никакой помощи, хотя мы заранее с ними связывались, у них там свои внутренние правила. Поэтому получалось так, что беженцы приезжают, регистрируются у Красного Креста, выходят из здания, и уже на улице мы их встречаем, записываем к себе, выдаем им гуманитарные наборы и одеяла.

Больше всего им нужны были одеяла, потому что беженцы должны были оставаться либо в Горисе, либо в других городах рядом. Очень много людей, наплыв гигантский. А плана особо по тому, как надо разбираться с беженцами, нет. Красный Крест от нас сначала не принимал никакой помощи, говорили, что у них все под контролем, а потом запросили три-четыре одеяла.

Людей привозят на специальных автобусах, своим ходом мало кто приезжает, потому что нет топлива. Везут обычно миротворцы, хотя бывают и автобусы с

армянскими номерами. Дальше людей распределяют либо по гостиницам, либо говорят, куда ехать, обычно это города неподалеку — Вайк и Ехегнадзор. Но туда беженцы должны добираться сами, трансфера нет, только до Еревана.

До полуночи мы были в Горисе, почти сутки раздавали гумнаборы и регистрировали очень много людей. Тем, кто собрался в Ереван, мы говорили, как они могут обратиться в наш офис; уже в Ереване те, кто остался в офисе, разбираются с прибывшими беженцами. Ситуация с жильем, пропитанием, работой — все эти вопросы очень резко встали, мы стараемся помогать.

Я сама жду родственников из Арцаха и, конечно, много разговаривала с беженцами. Все очень переживают насчет того, проверяют ли азербайджанцы документы на КПП на дороге: Азербайджан составил список из 30 тысяч мужчин, которые не смогут выехать на территорию Армении. И мы переживем, потому что никто не знает, кто в этих 30 тысячах, а в Арцахе все население официально 120 тысяч. Мы боимся, что мужчин экстрадируют в Баку за участие в карабахских войнах, как это делалось не раз.

У беженцев очень много страха. Я, как человек, который три года уже волонтерит, понимаю, что никогда с ними не надо затрагивать политические темы, нужно просто показать поддержку. Там очень много слез после двух дней интенсивных бомбежек и девяти месяцев блокады.

Раньше из Степанакерта в Ереван нужно было ехать шесть часов, после прошлой войны это превратилось в восемь, а сейчас люди ехали по 12-14 часов — очень медленно и с постоянными проверками документов, но проверяют, слава богу, миротворцы. Люди рассказывают, что это очень изнуряет.

В Степанакерте пока что нет азербайджанских военных, и беженцев оттуда 25-го прибывало мало, в основном это были люди из близлежащих эвакуированных сел и Мартакерта, куда уже вошли азербайджанские военные. Кто смог эвакуироваться — отлично, а об остальных пока что нет никакой информации, там полный хаос.

Эвакуировалось много стариков и детей, и стариков жалко в том плане… Я по своему деду, наверное, скажу, многие мыслят в том же русле: они не хотят выезжать до последнего, думают, что если ты уже стар, то и доживать последние годы нужно у себя дома. А так — ты живешь столько лет в Арцахе, а тебя заставляют всю жизнь собрать в один чемодан. На самом деле, даже не в чемодан, люди были с сумками: там ситуация такая, что быстренько привезли автобус, а люди два дня сидели в подвалах из-за бомбежек. Им сказали: «Вы даже домой не заходите, просто садитесь в автобус и уезжайте». Многие были в принципе без вещей, приехали в тапочках, а у кого-то маленькие сумки, потому что в автобусе мало места.

Идешь мимо машин, и в них спят дети — они давно не спали из-за бомбежек, ждали в подвале своей смерти, с детьми очень тяжелая ситуация. Или вот люди подходят регистрироваться, в селах ведь живут большими семьями, и говорят: «Нас 15 человек,

шесть-семь детей». Сразу думаешь, как эти дети добрались, а сколько во время бомбежек погибло? Это очень больно.

Многие планируют из Степанакерта выехать своим ходом, люди ждут, когда раздадут топливо, но из-за позавчерашнего[7] взрыва этот процесс приостановился. Мои родственники в других областях тоже ждут топлива. Взрыв сильно повлиял психологически: слезы, истерики, непонимание, что будет дальше.

А с правительством случилась очень странная ситуация. Как я уже говорила, мы второй месяц работаем с администрацией села Тэх, где беженцы начали размещаться раньше. Мы приезжали в село, администрация нам готовила списки того, что им нужно: батарейки, макароны и так далее. В этот раз мы их хорошенечко подготовили, и по пути нам позвонили из администрации и сказали, что правительство запретило принимать какую-либо помощь от фондов. Мы в любом случае раздали помощь, но не от лица администрации. Такая ситуация, что правительство мешает работать с Красным Крестом всем фондам — они якобы справляются сами, а мы своими глазами видим, что нет.

Например, у нас несколько точек по Еревану, где стояли волонтеры. И вот на днях там волонтера забрали в полицию. Правда, все обошлось, насилие у нас не применяется. А еще мы в тот день фасовали макароны, пришли полицейские и спрашивали документы — вроде бы напрямую не препятствуют, но есть вот такие непонятные действия.

«Не было никаких действий, кроме дежурных заявлений». Артур[8], активист из Еревана

То, что арцахцы вынуждены оставлять свои дома, это очень сильно раздражающий фактор. Значительная часть народа видит частично или полностью в этом вину Никола Пашиняна. Властям эта проблема не нужна. И сейчас, когда не получилось народ там задержать, в Карабахе, у них заработала, как бы, следующая схема: они сделали что-то вроде регистрационного пункта в Горисе. Его огородили решетками. Туда приходят беженцы, регистрируются, а оттуда их на автобусах вывозят в различные дальние районы Армении, подальше от столицы[9]. Те, кто на своих машинах, и те, у кого есть родственники в Ереване, они приезжают, но власти делают все возможное, чтобы была минимальная концентрация[10] в столице, потому что они прекрасно понимают, что это очень сердитые люди, очень негативно настроенные к нынешней власти.

Арцахцы участвуют в акциях протеста с первого же дня. В основном студенты из Арцаха, которые здесь учатся, но их семьи там. И вот в первые

дни, когда там шли активные боевые действия, они участвовали в протестах, и в этот момент им звонили родственники и знакомые оттуда и сообщали об очередном погибшем. Ну, в общем, можно представить ситуацию.

Сложно сказать, сколько людей в итоге выедет из Арцаха. Есть разные группы интересов, потому что тут, на самом деле, такой геополитический конфликт: если все оттуда уезжают, вопрос присутствия российских миротворцев там автоматически снимается. А если так, то уже Пашинян может спросить у России, мол, а что тут делает ваша база, у нас уже нет карабахской проблемы, мы договариваемся с турками — и до свидания. Поэтому довольно распространено мнение, что Россия не заинтересована, чтобы все арцахцы покинули Карабах. С другой стороны, я лично знаю людей, которые действительно не хотят переезжать. Они хотели бы там остаться, если будут четкие гарантии безопасности. Еще есть люди идейные, но и они также понимают, что в принципе придется жить под вечным риском.

У азербайджанцев есть огромный список, якобы тех, которых они дали в розыск в Интерпол. Там какие-то ключевые фигуры, участвовавшие даже еще в первой войне. Или, скажем, все президенты Карабаха. Они за этими людьми охотятся. Проблемы могут быть в принципе у любого, кто служил в армии и воевал за последние 30 лет.

Протестующие у здания правительства во время митинга в Ереване, 20 сентября 2023 года. Фото: Irakli Gedenidze / Reuters

Ну, и есть люди во власти, которые активно раздувают настроения, что, мол, срочно выезжайте, все оставляйте, ни о чем не думайте. Что выглядит как политический заказ уже с другой стороны.

Вообще, у людей есть впечатление, что во время нападения был полный консенсус между Пашиняном, Алиевым, а также всеми внешними игроками, наверное, за исключением Ирана. Потому что не было никаких действий, кроме каких-то дежурных заявлений.

Но если и так, то, например, в любом случае по конкретным военным преступлениям не может быть никакого международного консенсуса. Кажется, всех устраивает, что там происходит, кроме армян Арцаха и армян Армении.

Военные преступления — это не только обстрелы, но и ведь блокада. Там больше ста тысяч гражданского населения, и ты держишь их в осаде. И для всех это окей, никакого реального давления на Баку не было.

Редактор: Мария Климова

1. Армянское название Нагорно-Карабахской республики.
2. 20 сентября омбудсмен Нагорного Карабаха сообщал о 200 погибших и более 400 раненых в результате обстрелов.

3. Город расположен примерно в 100 км от Степанакерта.

4. Геноцид армян в 1915 году (по некоторым данным, продлившийся до 1923-го) на подконтрольных Османской империи территориях признается многими странами (в некоторых случаях на уровне штатов или областей) и правозащитными организациями. Оценки количества жертв разнятся, по некоторым из них, в результате депортации и этнических чисток погибло до полутора миллионов человек. Власти Турции и Азербайджана отрицают геноцид армян.

5. Конфликт между вооруженными силами Нагорного Карабаха и Азербайджана, который начался 2 апреля 2016 года и продлился три с половиной дня. Тогда обе стороны конфликта обвинили друг друга в нарушении режима прекращения огня, а по итогу заявляли о своей победе.

6. Крупномасштабный вооруженный конфликт между Азербайджаном и Нагорным Карабахом, который произошел в сентябре — ноябре 2020 года и стал самым кровопролитным со времени окончания Карабахской войны в 1994 году. Утром 27 сентября азербайджанские военные начали наступление на Карабах, по итогу им удалось установить контроль над рядом населенных пунктов непризнанной республики.

7. При взрыве на складе, где раздавали топливо, погибли 20 человек, больше сотни получили ранения.

8. Имя изменено по просьбе собеседника.

9. По словам собеседника «Медиазоны», он основывается на рассказах жителей Карабаха. По их словам, в регистрационном пункте их призвали не езжать в Ереван, если у них нет там родственников, а также просили не садиться в чужие машины, а пользоваться предоставленными государством автобусами, на которых их везут в дальние регионы. Так, знакомых Артура увезли в город Мегри на границе с Ираном.

10. Артур приводит в пример пост депутата нацсобрания. В нем тот попросит людей (видимо, жителей столицы) прекратить сбор на жилье для переселенцев, поскольку «поток людей становится неуправляемым», и беженцы отказываются «от того, что им предназначено на этом этапе».